

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ
ВОЙН И КОНФЛИКТОВ
XX ВЕКА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 1:316 : 94"20"
ББК 60.032+63.3(0)6
С 69

*Издание подготовлено
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 12-01-14090*

Редакционная коллегия:
М.Ю. Дронов, доктор исторических наук Э.Г. Задорожнюк,
доктор исторических наук Е.П. Серапионова (ответственный редактор),
С.М. Слоистов

Рецензенты:
кандидат исторических наук Ю.В. Буланникова,
доктор исторических наук Т.В. Волокитина

С60 Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е.П. Серапионова. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 340 с.

ISBN 978-5-7576-0273-8

В совместном издании российских и словацких авторов, подготовленном на основе международной конференции, состоявшейся в Москве в Институте славяноведения РАН в октябре 2012 г., затрагиваются проблемы социальных последствий войн и конфликтов XX в. и исторической памяти об этом. Авторы, анализируя ранее неизвестные архивные материалы, опубликованные в России и за рубежом документы, свидетельства устной истории, художественные произведения, пытаются воссоздать атмосферу предвоенных, военных и послевоенных лет, сложные переплетения судеб двух народов в контексте мировых событий.

Для историков, политологов, специалистов по международным отношениям, литературоведов и широкого круга читателей, интересующихся историей России, Словакии, российско-словацкими отношениями.

УДК 1:316 : 94"20"
ББК 60.032+63.3(0)6

На обложке — Лагерь военнопленных в Дарнице. Фотография из РГВИА

ISBN 978-5-7576-0273-8

© Коллектив авторов, 2014
© Институт славяноведения РАН, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Л. П. Ретина</i> (Москва) Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии.....	8

Часть I

<i>Г. Дудекова</i> (Братислава) Социальные последствия Первой мировой войны — импульсы и результаты новейших исследований.....	19
<i>З.С. Ненашева</i> (Москва) Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.).....	32
<i>А.Н. Птицын</i> (Ставрополь) Чешские и словацкие предприниматели на юге России в годы Первой мировой войны.....	49
<i>Д. Кодаева</i> (Братислава) Россия в Великой войне в памяти словаков: неприятель или славянская страна?.....	57
<i>Ю. Бенко</i> (Братислава) Репатриация военнопленных из России в Габсбургскую монархию в контексте проявлений социального радикализма в последний год Первой мировой войны.....	75
<i>И.В. Крючков</i> (Ставрополь) Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг.	91
<i>Г.В. Рокина</i> (Йошкар-Ола) Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае.....	102
<i>Е.П. Серапионова</i> (Москва) Политика чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и реэмигрантов.....	113
<i>К.В. Шевченко</i> (Минск) Положение русинов Чехословакии в 1920-х гг. в освещении русинской прессы.....	128
<i>С.М. Слоистов</i> (Москва) Сложности национальной идентификации чехов, словаков и подкарпатских русинов в мемориальной работе.....	136
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск) Словакия и Подкарпатская Русь 1920-х гг. в «Воспоминаниях» Е.В. Спекторского.....	147
<i>М. Даниш</i> (Братислава) Дипломатическая миссия Йозефа Белая в Москве в 1939–1940 гг.....	152

Часть II

<i>Й. Бистрицкий</i> (Братислава)	
Проблематика освобождения Словакии в 1944–1945 гг. в словацкой историографии после 1989 г.	169
<i>В.В. Марьина</i> (Москва)	
Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	180
<i>О.В. Павленко</i> (Москва)	
1945 г. в странах Центральной Европы: по воспоминаниям солдат и офицеров Красной армии	195
<i>С. Мичев</i> (Банска-Бистрица)	
Социальные аспекты в политике Словацкого национального совета — главного политического органа Словацкого национального восстания.....	208
<i>Я.Ю. Кресан</i> (Москва)	
Тема памяти в словацкой и чешской военной прозе второй половины XX в.	217
<i>Н.В. Шведова</i> (Москва)	
Вторая мировая война в поэзии Мирослава Валека 1960-х гг.	221
<i>М. Завацка</i> (Братислава)	
Слухи, сплетни, панические известия: неофициальная информация в годы Второй мировой и холодной войн	230

Часть III

<i>Г.П. Мурашко</i> (Москва)	
Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов)	243
<i>М. Шмигель</i> (Банска-Бистрица)	
Советская репатриационная операция в Словакии (1944–1950 гг.) как фактор последствий войны	257
<i>Л.Ф. Широкова</i> (Москва)	
Историческая память в отражении художественной литературы (тема преследования духовенства и верующих в Словакии в 1950-х гг.)	270
<i>А.С. Стыкалин</i> (Москва)	
Память о венгерских событиях 1956 г. в период Пражской весны 1968 г.	279
<i>Э.Г. Задорожнюк</i> (Москва)	
Специфика протестных настроений в Словакии в послеавгустовское десятилетие (1969–1979 гг.)	288
<i>Н.В. Коровицына</i> (Москва)	
Социально-структурные изменения в Словакии после 1989 г.	305
<i>Г.П. Мельников</i> (Москва)	
Интерпретация гуситских войн в словацкой историографии второй половины XX в.	317
Сведения об авторах	328
Именной указатель.....	330

ВВЕДЕНИЕ

Российско-словацкие отношения имеют многовековую историю. Для их тщательного изучения в 2004 г. была образована Комиссия историков России и Словакии. Естественно, что она использовала опыт сотрудничества существовавшей до 1990-х гг. советско-чехословацкой комиссии историков. Вновь созданную Комиссию со словацкой стороны возглавил славист, научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук (САН) д.н. М. Барновский, а с российской — директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (РАН) акад. В.А. Тишков.

За эти годы поочередно в Братиславе и Москве состоялись четыре заседания, в рамках которых прошли научные конференции, посвященные российско-словацким контактам и взаимным представлениям на различных исторических этапах¹. По результатам первых конференций вышли в свет два сборника статей².

К глубокому прискорбию, и словацкая, и российская части Комиссии понесли утраты. Скончались первый председатель словацкой части Комиссии М. Барновский, член Комиссии Б. Глава, секретарь российской части комиссии М.Ю. Досталь. ***Их светлой памяти мы посвящаем эту книгу.*** В силу этих и ряда других причин был обновлен первоначальный состав совместной Комиссии. Словацкую часть возглавила к.н. Т. Ивантышинова (Институт истории САН, Братислава), вице-председателем словацкой части стала доц., к.н. Л. Гарбулева (Институт истории Прешовского университета), секретарем — д-р Д. Кодаева (Институт истории САН). Членами Комиссии со словацкой стороны в настоящее время состоят: к.н. Ю. Бенко, к.н. М. Завадска (Институт истории САН);

¹ О конференциях см.: *Досталь М.Ю.* Первое заседание Комиссии историков России и Словакии // Славяноведение. 2007. № 1. С. 120–122; *она же.* Второе заседание Комиссии историков России и Словакии в Москве 2–4 октября // Славяноведение. 2008. № 5. С. 116–121; *она же.* Третье заседание Комиссии историков России и Словакии в 2010 году // Славяноведение. 2011. № 4. С. 116–118; *Дронов М.Ю.* Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» // Словакия. 2012. № 1. С. 12–17; информация М.Ю. Дронова о конференции 2012 г. также была сдана для публикации в редакции московских изданий «Вестник РГНФ» и «Славянский альманах». О работе Комиссии историков России и Словакии см. также: *Задорожнюк Э.Г.* Российские и словацкие историки: вместе, нельзя врозь // Российский совет по международным делам. Блоги. 2012. 19 декабря. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/tiacexperts/?id_4=268

² См.: Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.). М.-Йошкар-Ола, 2007. 224 с.; *Ivantyšinová T., Kodajová D. a kol.* Východná dilema strednej Európy. Bratislava, 2010. 253 s.

к.н. Й. Бистрички, (Институт военной истории, Братислава); проф., к.н. М. Даниш (Философский факультет Университета им. Коменского, Братислава); к.н. С. Мичев (Музей Словацкого национального восстания, Банска-Бистрица); доц., к.н. М. Шмигель (Университет им. Матяя Бела, Банска-Бистрица).

Российскую часть Комиссии с октября 2012 г. возглавляет чл.-корр. Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН), ее заместителем стала д.и.н. Э.Г. Задорожнюк, секретарем — М.Ю. Дронов. Членами российской части Комиссии являются: почетный вице-председатель российской части Комиссии, д.и.н. В.В. Марьина, д.и.н. Г.П. Мурашко, д.и.н. Е.П. Серапионова (Институт славяноведения РАН), проф., д.и.н. Л.П. Лаптева (МГУ), доц., к.и.н. О.В. Павленко (РГГУ), проф., д.и.н. Г.В. Рокина (Марийский государственный университет), проф., д.и.н. И.В. Крючков (Северо-Кавказский федеральный университет), проф., д.и.н. С.И. Михальченко (Брянский государственный университет).

Последнее заседание комиссии состоялось 16–18 октября 2012 г. в Москве. Научная конференция, организованная в основном при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 12-01-14090), носила название «Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: историческая память».

В конференции приняли участие более 40 ученых из России и Словакии, заслушаны и обсуждены 26 докладов. Доработанные с учетом вопросов и замечаний выступления легли в основу научных статей, предлагаемых вашему вниманию.

Сборник посвящен двум важным проблемам: социальным последствиям войн и конфликтов XX в. и исторической памяти. Нашим предкам в XX столетии выпало пережить две мировые войны и большое количество конфликтов, в том числе вооруженных. Память о военных событиях, связанная с тяжелыми испытаниями, утратами и переживаниями, до сих пор жива у свидетелей тех лет. С течением времени коллективная память неизбежно героизируется и мифологизируется, не в последнюю очередь под влиянием официальной идеологии. Во многом этому способствует и отражение памяти о войне в художественном творчестве, литературе, искусстве, кино. Поэтому реконструкция реальных событий и процессов на основе существующих документов, свидетельств и отчасти художественных произведений, воссоздающих атмосферу времени, становится значимой задачей историка.

Открывает сборник статья «Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии» чл.-корр. РАН Л.П. Репиной. Вероятно, здесь уместно представить нового главу российской части Комиссии: Л.П. Репина — заместитель директора Института всеобщей истории РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем» и ежегодника «Адам и Ева», член редколлегии журнала «Новая и новейшая история», автор восьми книг, в том числе недавней монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика» (М., 2011. 560 с.), 350 статей и других научных публикаций.

Первая часть книги посвящена социальным последствиям Первой мировой войны. В нее вошли 13 статей, посвященных таким проблемам, как: новые подходы к изучению социальных последствий Первой мировой войны в историо-

графии, изменение положения чешских и словацких предпринимателей в связи с началом войны, положение чешских и словацких военнопленных в России и их возвращение на родину, формирование Чехословацкого корпуса на российской территории, социальная политика чехословацкого правительства в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных, реэмигрантов, положение русинского меньшинства Словакии в 1920-х гг., образ межвоенной Словакии в воспоминаниях русского эмигранта Е.В. Спекторского, особенности и сложности в национальной идентификации чехов и словаков в СССР в 1920–1940-х гг., отражение советских реалий в воспоминаниях словацкого дипломата Й. Белайя в конце 1930-х гг.

Во вторую часть сборника включены статьи, связанные с событиями Второй мировой войны и послевоенным развитием. Авторы рассматривают исторические проблемы: изменения роли Славянской идеи в политике СССР накануне, в годы и после Второй мировой войны, соотношения официальной пропаганды и неофициальной информации в годы Второй мировой и холодной войн, сохранения и использования воспоминаний солдат и офицеров о войне как исторического источника, социального законодательства и социальной системы Словацкого национального восстания, его освещения в советской периодике, послевоенной репатриации, роли памяти о венгерских событиях 1956 г. в период принятия решений о подавлении Пражской весны 1968 г., религиозной составляющей словацкого оппозиционного течения в период «нормализации». В их поле внимания также социокультурные проблемы отражения Второй мировой войны и послевоенных событий в чешской и словацкой литературе и искусстве. Заключает сборник статья, связанная с интерпретацией гуситских войн в исторической памяти словаков в XX столетии.

Хочется верить, что настоящая книга привлечет внимание как специалистов-гуманитариев, так и самого широкого круга читателей, интересующихся историей российско-словацких связей и другими проблемами, поднятыми в коллективной публикации.

Е.П. Серапионова,
М.Ю. Дронов

Л. П. Репина
(Москва)

ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Разнообразие тематики современных исторических исследований наглядно демонстрирует имеющиеся в ней приоритеты и основные направления теоретических поисков. В широком диапазоне исследовательских подходов центральное место занимает антропологически ориентированная социокультурная история. Это и весьма обширный корпус работ, нацеленных на анализ исторических типов и форм межкультурного взаимодействия, и проблема индивидуальной и коллективной идентичности, и, наконец, проблема соотношения истории и памяти, которая быстро оказалась в фокусе современной историографии. Внимание к феномену исторической памяти было привлечено в результате взаимодействия истории с другими науками о человеке и обществе. Взаимоотношения памяти и истории рассматриваются представителями различных областей социогуманитарного знания с разных позиций и соответственно с весьма различными результатами. Так, например, в самом общем виде психологи обычно определяют память как отражение сознанием того, что было в прошлом опыте, путем запоминания, воспроизведения и узнавания. Но это сугубо ментальное явление, с которым имеют дело психологи, превращается в социально-ментальное или социокультурное, когда речь идет о социологическом анализе, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом.

Ситуация рубежа веков во многом «подогрела» интерес к изучению мифов коллективной памяти, которые поддерживают претензии той или иной общности на высокий статус, материальные, территориальные, политические и иные преимущества в настоящем и базируются на процедурах стереотипизации. Социально сконструированные исторические мифы, воспринимаемые как достоверные «воспоминания» и составляющие значимую часть данной картины мира, играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, и сегодня в историографии (вслед за социологией и антропологией) на передний план вышла проблема изучения роли памяти в историческом конструировании коллективной идентичности. Процесс самоидентификации рассматривается как «процедура придания смысла» (на основе жизненного опыта или культурного присвоения унаследованного коллективного опыта). Социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего. Обра-

зы прошлого, составляющие важную часть коллективной идентичности, могут служить легитимации существующего порядка, выполняя функцию позитивной социальной ориентации, или же, наоборот, противопоставлять ему ностальгический идеал утраченного «золотого века», формируя матрицу негативного восприятия происходящего.

Историческая память всегда мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. В связи с этим возникает потребность в анализе формирования отдельных исторических мифов, их бытования, маргинализации или реактуализации в обыденном историческом сознании, их использования и идеологической переоценки, в том числе в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах национальной истории. В процессе коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Решающая роль в конституировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого, будь то в модели «национальной катастрофы» или в модели «триумфа». Конфликтующие нарративы идентичности являются эффективным инструментом мобилизации масс вокруг политических программ. Каждое новое поколение людей ищет в прошлом ответы на вопросы, которые волнуют его сегодня, и потому идет процесс неизбежных пересмотров и смены ракурсов в рассмотрении прошлого. В этом плане перед историком памяти стоит задача изучить весь комплекс факторов, воздействовавших на интерпретацию и трансформацию образов «ключевых» событий.

Не меньше трудностей представляет анализ средств контроля над исторической памятью. Как известно, «тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее». Речь идет об исторической легитимации как источнике власти и об использовании исторических мифов для решения политических проблем. Известно, что борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия и позора, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться или стыдиться. Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами. Активно навязываемый аудитории «удобный» образ прошлого становится нормой ее собственного представления о себе и формирует ее реальное поведение. И здесь обнаруживается обратная связь с важнейшими этическими проблемами исторической профессии, в числе которых как раз недопустимость «изобретения прошлого», его искажения и инструментализации в каких бы то ни было целях. Однако историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений: существует немало средств социального контроля — не только прямое давление или запреты, но и более мягкие, скрытые ограничения и особые «механизмы поощрения», которые так или иначе воздействуют на формирование различных историографических традиций.

В 1990-х гг. немецкий историк Ян Ассманн сформулировал задачи нового научного направления, которое он обозначил как *история памяти*¹. Он также ввел принципиальное различие между «живой» коммуникативной и символической культурной памятью — между устной традицией, возникающей из опыта пережитого и культивации воспоминаний в повседневной жизни, и традицией формализованной, выходящей за рамки опыта отдельных людей или групп и выраженной в памятных местах, датах, церемониях, памятниках. По Ассманну, культурная память, передаваясь из поколения в поколение, удерживает лишь наиболее значимое прошлое — мифическую историю; таков результат параллельного функционирования культурных механизмов запоминания и забывания. Одной из наиболее дискутируемых в рамках этого направления является проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти. Индивидуальная память многопланова: она включает персональный, социокультурный и исторический планы. Наряду с собственным жизненным опытом она подразумевает приобщение к опыту социальному и его присвоение, в результате чего отдаленные в пространстве и времени факты истории включаются в индивидуальное сознание. Огромное значение в этом процессе имеют устные «домашние хроники», рассказы старших о событиях прошлого, которые в той же мере, что и непосредственно переживаемые события, формируют индивидуальную память, дополняя ее «воспоминаниями второго порядка». Здесь возникает и другая серьезная проблема, которая не ограничивается рамками изучения механизмов трансляции семейного опыта. Это проблема перехода от биологического ритма человеческой жизни к ритму жизни социальной, через плотную сеть межличностных связей, порождаемую единовременным сосуществованием и неразрывной последовательностью смены поколений. Посредством трансляции накопленного опыта, как позитивного, так и негативного, обеспечивается связь между поколениями. Тема «Конфликты в исторической памяти поколений» представляет одно из важнейших исследовательских полей в истории памяти².

В современном общественном сознании понятие «поколение» обычно опирается на общность социальных переживаний и деятельности относящихся к этой группе людей. Длительность поколения в культурно-историческом смысле зависит от скорости обновления общества: чем быстрее перемены, тем короче поколения, тем плотнее пространство их взаимодействия и тем ярственнее выступают и осознаются различия между поколениями. В результате смены поколений изменяется содержание коллективной памяти. Главным предметом

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. См. также: Эксле О.Г. «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 75–90.

² Данная проблематика была разработана в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», реализованной в 2009–2011 гг. Результаты научной работы опубликованы в кн: Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. 336 с.

истории памяти является не событие прошлого, а *память* о нем, тот *образ*, который запечатлелся у переживших его участников и современников как некий «общий опыт, пережитый совместно», транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности. Особое значение имеет сопоставление воспоминаний о крупных исторических событиях: а) «первого поколения», пережившего события в сознательном возрасте; б) «второго поколения» («отцов» и «детей» в буквальном или фигуральном смысле) и в) «третьего поколения»; т. е. памяти смежных поколений, по-разному воспринимающих и оценивающих одни и те же события. При всей своей условности выражение «память поколения» имеет содержательную сторону, отражающую некую общность культурно-исторического опыта, организованную вокруг ключевого для этого поколения События-Конфликта. Если у участников, свидетелей или разновозрастных современников исторического события получаемая извне информация (интерпретация события) в той или иной степени соотносится с личным опытом, то представители последующих поколений за отсутствием личного опыта относительно события воспринимают его готовую схему³. Если для «второго поколения» эти события — все еще факты их «живого прошлого», то для представителей «третьего поколения» образы этих событий становятся достаточно абстрактными: это уже не часть собственной биографии, а часть истории. С окончательным уходом из жизни тех, для кого события являлись фактом собственной биографии, субстанция коллективной памяти исчезает и замещается довольно приблизительными коллективными представлениями.

Зафиксированные коллективной исторической памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в конкретных ситуациях. Изменения в интересе к историческому событию и в восприятии его последующими поколениями связаны с переменами в социальных условиях и в общественном сознании. При этом сами мемориальные клише, на которые опирается память, не изменяются, а замещаются другими, столь же устойчивыми стереотипами или мифами, которые выполняют в жизни социума важнейшую роль, моделируя поведение индивидов и социальных групп, создавая образы будущего, настоящего и прошлого, мобилизуя и направляя активность общества на реализацию определенной цели. Являясь фактором консолидации и интеграции общества, миф может способствовать разрешению противоречий, нейтрализации социальных конфликтов. Однако миф может нести в себе как позитивную, так и негативную энергию.

³ Нуркова В. В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Вопрежаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М., 2001. С. 22–23. См. также: *Она же*. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000. 320 с.; *Она же*. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87; *Она же*. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.

Исторические мифы, построенные на противопоставлении «мы — они», представляют обратную сторону социального мифа, который служит условием интеграции и снижения внутренней конфликтности общества на основе неприятия, инородности «чужого». Конфликтная историческая память преследует цель концентрации внимания общества на образе врага, отвлекая от насущных проблем и заслоняя реальные потребности мнимыми (например, в мифологической картине советского человека образ врага отразился в идее обострения классовой борьбы по мере дальнейшего развития социализма). Распространение мифов разрушительной направленности создавало лишь временный эффект сплочения и мобилизации общества, провоцируя внутренние конфликты. Мифы исторической памяти могут служить и мотивации внешних конфликтов. Выделяются такие, например, характерные структурные элементы этноцентристской и националистической исторической мифологии, призванной сплотить своих приверженцев и определенным образом направлять их действия, как мифы о «золотом веке», «славных предках», «заклятом враге» и многие другие. В ряде научных проектов Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН была поставлена задача предметно проанализировать генезис, структуру, социальное функционирование и механизм замещения наиболее живучих исторических мифов и стереотипов в стабильные и переломные эпохи истории⁴. При этом авторы исходили из того, что происходящие в обществе перемены порождают новые вопросы к минувшему, трансформируя сложившиеся представления об истории. И чем значительнее общественные изменения, тем радикальнее меняются и представления о прошлом, оказывая, в свою очередь, обратное влияние на социальные процессы.

В современной ситуации все больший интерес вызывают проблемы репрезентации исторического прошлого, его удержания, замещения или «подавления» в исторической памяти, механизмы трансформации и способы актуализации воспоминаний в массовом историческом сознании. История XX в. дает яркие примеры манипуляций с памятью и забвением. В условиях современной культуры восстановить смысл прошлого, опираясь на традицию, на прошлый опыт, уже не представляется возможным, поскольку сама «историческая традиция» подвергалась переосмыслению неоднократно. В условиях кризиса коллективных форм исторической памяти социум оказывается в сложной ситуации множественности и неопределенности собственной биографии, в отсутствие общезначимого прошлого. Особой стороной исследования исторической памяти выступает рассмотрение тех моментов, когда ее коллективное и персональное начала находятся в противоречии или в конфликте друг с другом. В отношении феномена «расколотой» исторической памяти, наполненной конфликтами, разночтениями, против-

⁴ См. книги, изданные в серии «Образы истории» издательства «Кругъ»: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. 408 с.; История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. 768 с.; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. 800 с.; Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. 960 с.

положными мнениями об одних и тех же событиях в прошлом, большое значение имеет обращение к автобиографическим версиям происходивших событий.

«Меморизация» — это сложный процесс соединения отдельных воспоминаний и сведений о прошлом в социальной памяти. По существу, прошлое сохраняется путем изъятия его из контекста, поэтому передача памяти — это всегда трансформация, «проработка прошлого»: вытеснение одних фактов и отбор других, хотя роль «культурной амнезии» в стереотипизации и мифологизации представлений о *недавно пережитом* опыте при радикальной смене идейно-ценностных ориентиров социума историкам еще предстоит исследовать.

В течение последних полутора веков неуклонно сокращается временной лаг, отделяющий историческое событие от момента его теоретического осмысления историком-профессионалом. Специалист по новейшей истории имеет возможность вступить в очный диалог с героями своего будущего исследования — от знаковых фигур первого и второго планов до рядовых обывателей. Как в процессе сбора материалов для исследования, так и в процессе публикации его результатов исследователь *в реальном пространстве и реальном времени* сталкивается с современниками событий, которые он изучает, и получает уникальную возможность опросить живых свидетелей, уточнить какие-то уже известные детали и выявить подробности, о которых умалчивают документы. Еще живы люди, которые хранят память о былом в его незавершенности и пытаются понять как смысл минувших событий, так и свое место в них. Настоящее не является для них единственно возможным следствием прошлого, непосредственное восприятие которого сохранилось в их памяти, причем оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы были неотъемлемой частью их биографии и в этом качестве не утратили для них свой непреходящей ценности⁵.

Особое внимание в современных *memory studies* уделяется массовым представлениям о прошлом. Как показано во многих исследованиях на базе эмпирических данных, представления о прошлом действительно играют существенную роль в национальной, политической и других формах идентификации: в этом случае от содержания представлений о прошлом во многом зависит общественный консенсус в настоящем и общность или разнообразие социальных ожиданий. Содержание массового исторического сознания в огромной степени определяется конкретным национальным опытом. В исторической литературе можно, например, найти сопоставление отношения к прошлому европейцев и жителей стран Нового Света, история которых была короткой, и знания о прошлом связаны преимущественно с историей XX в., к тому же американцы не демонстрируют характерной для европейской мысли склонности к трагическому восприятию прошлого, потому что оно было для них менее конфликтным. В связи с этим нельзя не упомянуть интересное исследование И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, которое было проведено на основании результатов социологических исследований,

⁵ Подробнее об этом см.: *Экшутт С.А.* Битвы за храм Мнемозины // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 27–48.

проводившихся в 1990-х гг. в США, что позволило выявить некоторые особенности национальной памяти, высокую степень общественного согласия и единства поколений в отношении национального прошлого (расхождения не дотягивают и до 10%)⁶.

Пристальное внимание в российских исследованиях уделяется функциям памяти и формам ее воплощения в литературе, кинематографе и музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах, правительственных и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации, особенно в связи с памятью о Великой Отечественной войне, которая не только сформировала духовный облик людей фронтового поколения, но и на протяжении последующих лет занимала важнейшее место в общественном сознании. В исследованиях И.В. Ребровой об исторической памяти советского и постсоветского общества в мемуарах о Великой Отечественной войне показано, как существенно менялись оценки событий и общая картина войны под воздействием идеологической и политической ситуации. Первые воспоминания о Великой Отечественной войне стали появляться уже в ходе войны по мере освобождения оккупированных территорий. Для исторического сознания общества на этом этапе были характерны установка на героизацию, уверенность в скорейшей победе, ненависть к захватчикам. В первое послевоенное десятилетие, которое характеризуется ужесточением контроля власти за массовым сознанием, была сформирована концепция войны как символа веры и доказательства преимущества социализма. История Великой Отечественной войны прочно вошла в идеологический багаж КПСС, стала неотъемлемой частью официальной идеологии. В конце 1940-х гг. изменилось отношение в массовом сознании к недавним союзникам, причем негативное отношение, возникшее еще в начале холодной войны, оставалось главенствующим в общественном сознании и одной из тем воспоминаний вплоть до окончания противоборства двух систем в конце 1980-х гг. Показательно, что в мемуарах о Великой Отечественной войне в 1960–1980-х гг. тесно переплетаются два среза повествования. С одной стороны, прошедшая война представлялась как событие всемирно-исторического значения, а с другой стороны, каждый мемуарист, описывая свое участие в Великой Отечественной войне, становился органической частью ее истории. Одно из наиболее серьезных изменений в новой картине войны периода «оттепели» было связано с переоценкой личности и деятельности И.В. Сталина. Впервые с момента окончания войны мемуаристы стали писать о негативных сторонах ее истории: о причинах неудач Красной армии в 1941 г., о предателях и изменниках Родины. С конца 1960-х в условиях ужесточения цензуры мемуары о войне вновь стали действенным средством создания привлекательного образа Сталина. Новый виток развития мемуаристики о Великой Отечественной войне в конце 1980-х — начале 1990-х гг. был вызван окончанием холодной войны и распадом социалистической системы. Постепенно акценты

⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. Исторические знания американцев // *Время — История — Память: Проблемы исторического сознания* / Ред. Л.П. Репина. М., 2007. С. 289–318. См. также: *Они же*. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. 456 с.

в военных мемуарах сдвинулись с роли партии на простого солдата и работника тыла. Широкое празднование последних юбилейных дат Победы показывает, что новые властные структуры стремятся использовать историческое прошлое как интегрирующий фактор⁷.

Нельзя не отметить интересный пример обращения к теме восприятия недавнего прошлого глазами трех поколений, условно «дедов», «родителей» и «детей», на материале эпохи перестройки. Т.Ю. Тимофеева, используя документы из фонда М.С. Горбачева, материалы ВЦИОМа, работы ведущих российских социологов Ю. Левады и Б. Грушина, а также собственный опрос-исследование (москвичи, 250 опросных листов), продемонстрировала существенные изменения и поколенческие различия в восприятии перестройки⁸. Поколение «детей» на первое место в оценке значимости событий поставило катастрофу в Чернобыле и вывод войск из Афганистана, судьба КПСС их не интересует вообще. Начиная с «родителей», картина резко меняется. Абсолютной доминантой становится распад СССР, который делит первое место с развалом социалистического лагеря, и лишь на втором месте — чернобыльская катастрофа. Общая оценка эпохи Горбачева вскрыла во всех возрастных группах резкую поляризацию мнений, разделившихся почти пополам между «возвращением России на путь западной цивилизации» и «национальным предательством». У «детей» перевес «возвращения» наиболее резок (41 : 13). Практически на три части разделились «родители»: «возвращение», «предательство» и собственные оценки в равных долях. Старшее поколение, что интересно, возвращается к незначительному перевесу «возвращения» над «предательством». Конечно, различия в восприятии эпохи разными поколениями объективны. Однако интересен не столько их факт, сколько рубежи разногласий, что может помочь и в прогнозировании поведения.

В связи со всем вышесказанным возникает важный вопрос о перспективах проблематики исторической памяти в конфликтологии. Как известно, конфликтология как особая научная дисциплина в Советском Союзе не существовала. Однако важное место концепта «конфликт» в советской идеологической системе определялось принципиальными для ее конституирования положениями «борьбы противоположностей», «классового антагонизма», «столкновения сил прогресса и реакции» и т. п. Соответственно в советском обществоведении и, в частности, в историографии одним из приоритетных исследовательских

⁷ Реброва И.В. Историческая память советского и постсоветского общества, отраженная в мемуарах о Великой Отечественной войне поколений // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006; *Она же*. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): Автореф. ... дис. к.и.н. СПб., 2005; *Она же*. Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии. Ярославль, 2007. С. 237–241; и мн. др. См. также публикацию материалов: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования / Сост. И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. СПб., 2008. 292 с.

⁸ Тимофеева Т.Ю. Эпоха Михаила Горбачева глазами трех поколений // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006.

направлений было изучение социальных конфликтов (революций, народных движений, крестьянских войн и т. п.) в русле марксистско-ленинской теории классовой борьбы. При этом конфликт оказывался неизбежно встроенным почти в любую интерпретационную модель, подвергаясь спецификации относительно конкретного исторического периода через набор стереотипных формул, выведенных из общей схемы смены общественно-экономических формаций. Кстати, популярные обобщающие исторические издания советского времени (особенно в разделах, посвященных наиболее конфликтным периодам советской истории — Гражданской и Великой Отечественной войнам) зачастую представляют официальную модель исторического развития страны в наиболее ясном виде, обозначая в то же время ее очевидную связь с мифологемами массового сознания, что дает возможность анализировать способы репрезентации истории в советской культуре в их соотношении друг с другом⁹.

С конца 1980-х гг. у нас начала формироваться конфликтология как специальная научная и учебная дисциплина, причем речь идет, как правило, о политической конфликтологии. Однако существует и развивается (особенно в связи с проблематикой идентичности) *историческая конфликтология*. Между тем в содержательной части курсов «исторической конфликтологии» собственно историческая составляющая практически сводится к истории конфликтологии, а еще точнее — к истории политологии. Историко-антропологическая проблематика, или социокультурная история, в рамках которой выделилась история памяти, в конфликтологических работах остается за кадром¹⁰, что на мой взгляд, их существенно обедняет, лишая полезного концептуального инструментария. А ведь изучение сохранившихся в исторической памяти образов социальных конфликтов и кризисов разных эпох задействует важную, но лишь одну из возможных конфликтологических перспектив. В другой, еще не раскрытой, но весьма многообещающей перспективе речь должна идти об исследовании роли тех или иных партикулярных версий исторической памяти в сознании и поведенческих стратегиях ее индивидуальных и социальных носителей¹¹. К сожалению, вопрос о реализации такой исследовательской оптики в работах по так называемой исторической конфликтологии даже не ставится, несмотря на очевидные достижения социально-антропологического подхода, который позволяет выявить собственную логику поведения участников социального взаимодействия, в том числе их поведения в конфликтной ситуации, и дать, таким образом, новое прочтение этих ситуаций — сквозь призму культурных представлений, верований, убеждений, эмоций, ценностей, идеалов исторических акторов.

⁹ См., например: *Котылев А.Ю.* Историческая конфликтология в северном контексте: советский популярный вариант // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы Международной научной конференции. М., 2006.

¹⁰ См.: Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов. М., 2001. 592 с.

¹¹ *Чеканцева З.А.* Конфликты в пространстве французского Старого порядка: теоретические аспекты современной историографии // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций: Сб. статей. М., 2009. С. 296–304.

Научное издание

Социальные последствия войн и конфликтов XX века

Историческая память

Ответственный редактор Е.П. Серапионова

Именной указатель *С.М. Слоистов*

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*

Корректор *Н.Ю. Сулейманова*

Оригинал-макет *Л.А. Философова*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 21.01.2014. Формат 70x100¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 21,25

Тираж 500 экз. Заказ № 3043

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23